

УДК 947.088(571.6)

Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования¹

Ангелина Сергеевна Ващук,

доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: va_lina@mail.ru

В статье раскрывается проблема отношения общества к идеям перестройки и путям их реализации с учётом дальневосточных проблем. Дан краткий историографический обзор. На основе социологических опросов рассматриваются надежды дальневосточников на социальную модернизацию и широкий спектр рефлексии социума, который отражает процесс разочарований, связанный с недоверием к власти и началом социального раскола. Новизна статьи в том, что анализ субъективных измерений перестройки ведётся на базе комплекса источников, демонстрирующих как непосредственное восприятие реформ в годы их проведения, так и переосмысленное 20 лет спустя. **Ключевые слова:** перестройка, Дальний Восток, общественные настроения, политическая элита, М.С. Горбачёв.

Perestroika in the Russian Far East in the subjective dimension of contemporaries: the hopes on social modernization and frustration.

Angelina Vashchuk, Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department of socio-political research, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

In the article reveals the problem of the attitude of society towards the ideas of Perestroika and the ways of their implementation taking into account the Far Eastern problems. A brief historiographic review is given. On the basis of sociological survey the author examines the hopes of the Far Eastern residents on social modernization and a wide range of social reflection which depicts the process of disappointments, related with mistrust of authority and the beginning of the social division. The novelty of this paper is that the analysis of the subjective dimension of Perestroika is conducted on the basis of the complex sources, demonstrating both the immediate perception of the reforms in the years of their implementation, and redefined one, 20 years later. **Key words:** Perestroika, the Far East, the public mood, the political elite, M.S. Gorbachev.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-01-00199 по теме «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь».

В 2015 г. исполняется 30 лет событиям, давшим старт последним советским реформам — перестройке. Тридцатилетняя дистанция между исследователем и реформами, вектор дальнейшего исторического процесса дают возможность приблизиться к более глубокому освещению состояния власти и общества тех лет. По мнению одного из первых её исследователей А.В. Шубина, процесс, прошедший на глазах ныне живущих поколений, овеян мифами и легендами ничуть не меньше, чем Смутное время в начале XVII в. [35, с. 5]. Конечно, эта оценка больше касается борьбы за власть в центре, ГКЧП. Многие позиции, которые вызвали реакцию в обществе, в том числе во властных структурах, М.С. Горбачёв начинал озвучивать на Дальнем Востоке. Можно добавить, что и сегодня, спустя десять лет после появления мнения Шубина, сравнение с далёким прошлым остаётся актуальным, несмотря на то, что за это время вышло немало трудов о причинах и результатах горбачёвских реформ. Очень много публикаций посвящено Горбачёву как политику.

Особенностью историографической ситуации проблемы перестройки является активное участие в общей дискуссии авторов из всех российских регионов, в том числе и дальневосточного. Первые исследования преобразований на Дальнем Востоке принадлежат перу географов и экономистов. В ряде монографий и малоформатных публикаций в контексте реформ обоснована необходимость государственной поддержки отдалённых территорий [25; 33, с. 70, 174]. Главным генерирующим центром оценки экономического развития региона в 1985—1991 гг. стала школа П.А. Минакира, которая сформулировала подход к Дальнему Востоку как специфическому (особому) экономическому району. Неудовлетворительное социально-экономическое развитие региона в 1985—1991 гг. учёные связывали с просчётами в подготовке и реализации долговременной государственной программы «Дальний Восток». Глубокий обзор работ экономистов представлен в их коллективной монографии [31, с. 50—55]. В информационно-аналитическом обилии публикаций по Дальнему Востоку наряду с экономическими аспектами перестройки [1], а также работ, представленных в рамках концепции «тихоокеанского разворота» [31, с. 315—316], одно из первых мест занимают социальные проблемы. В публикациях, как правило, доминирует анализ официальной статистики, преимущественно данных по заработной плате, жилищному строительству, состоянию социальной инфраструктуры города и села, причинам оттока населения из региона [8, с. 159—199; 13, с. 72—84, 86—88; 19]. Конкретно экономический анализ состояния социальной инфраструктуры на дальневосточных территориях в годы перестройки содержится в статьях П.Я. Бакланова, В.К. Заусаева, М.И. Леденёва и др. [2, с. 5—10; 9; 11; 30, с. 108]. Мнения авторов сходятся в вопросе о значении социальных факторов на Дальнем Востоке в процессах реформирования на этапе начала разгосударствления [30]. В региональной историографии достаточно быстро сформировалось особое направление — влияние реформ на социально-демографическую ситуацию [15; 22; 13].

Для постановки заявленной проблемы большое значение имеют работы историков по политическим аспектам. Можно согласиться с мнением А.А. Кулакова, что «вся перестроечная общественно-политическая литература имела определённую идеологическую заданность — дать историческое и идеологическое обоснование необходимости реформирования советского общества...» [20, с. 6]. На сегодняшний день дальневосточными исследователями уже раскрыты сценарии ухода с исторической арены старых институтов власти и формирование новых органов [3, с. 60—63; 4, с. 35—42; 5; 6; 34, с. 8—57]. Большой вклад в изучение социально-политической тематики внёс А.Е. Савченко, которому удалось на богатом фактическом материале обосновать смену типов стратегий взаимоотношений между центром и регионом и показать специфику положения дел внутри политической элиты в этом же формате [26, с. 39—136; 27, с. 356—364; 28, с. 125—131]. Важнейшее значение для понимания состояния общества на Дальнем Востоке имеют работы А.П. Коняхиной [17; 18] и Е.В. Буянова [7].

Анализ социально-экономических показателей перестройки в трудах предшественников позволяет выйти на уровень параллельного сравнительного исследования «самочувствия» власти и общества, а также понимания происходившего и в экспертном сообществе в 1985—1991 гг. Наименее раскрытым аспектом истории реформ остаётся вопрос о доверии к власти дальневосточников.

В отечественной литературе по-прежнему доминирует точка зрения о том, что в СССР все реформы, в том числе и горбачёвские, проводились только «сверху», и общество к ним не было готово. В качестве гипотезы выскажем посылку, что последние советские преобразования проходили по другому сценарию. В связи с этим важно определить, был ли в советской истории момент общенационального согласия с учётом территориальных масштабов страны в середине 1980-х гг. А если был, то в чем он выражался? Изучением реформ через восприятие ситуации дальневосточниками занимаются чаще всего социологи. Новизна же данной статьи в том, что субъективное измерение перестройки исследуется в разные временные отрезки времени. Первое — это непосредственное восприятие реформ в годы их проведения. Второе — уже в иное время, 20 лет спустя, тех, кто их пережил и имеет возможность высказать сегодня своё мнение.

Кратко концепцию статьи можно обозначить через формулу: «политический вызов центра и ответ населения региона как начало трансформаций». Необходимо сказать о структуре статьи, отражающей методику изучения социально-политического явления. Анализ первого измерения важно начать с региональной элиты. Её реакция на вызов горбачёвских преобразований отражала как её собственные интересы, так и функциональные — территориальные. Отношение к перестройке этой части дальневосточников можно выявить через озвучивание (чаще публичное)

дальневосточных проблем, которые она пыталась связать с реформами Горбачёва. Следующий срез даётся через динамику общих ощущений дальневосточников от результатов реформ. Особый уровень субъективности представляет оценка последних советских преобразований, но уже, по мнению людей, живущих в иной России. Такой многослойный анализ поможет приблизиться к ответу на актуальный вопрос исторической науки: были ли поддержаны идеи перестройки и модернизации в регионах или они требовались только партноменклатуре высшего ранга, прошедшей путь развития в условиях потребительских ценностей и кризиса идеологии?

Отвечая на поставленные вопросы, естественно, невозможно обойтись без упоминания общеизвестных фактов. Перестройка была официально провозглашена в 1986 г. (XXVII съезд КПСС — съезд реформ), но преобразования начались ещё в 1985 г. под девизом «ускорение». М.С. Горбачёв с единомышленниками в первые годы своего лидерства начал проводить модернизацию, задуманную ещё Ю.В. Андроповым (часто называемую в литературе командно-мобилизационной), но в её рамках не планировалось коренным образом пересматривать советскую модель социальной политики. И это стало основной фундаментальной ценностью для солидарности в начале курса преобразований.

Сначала власть предложила обществу механизм достижения социальной справедливости: в виде чистки в бюрократическом аппарате, борьбы с коррупцией, хищениями и теневой экономикой, повышения трудовой дисциплины. После XXVII съезда КПСС в идеологии реформ добавляются новые инструменты: организация стимулирования труда и развитие «очагов» экономической модернизации. Но самое главное: советским людям обещали, что у них появится возможность хорошо зарабатывать и покупать на полученные деньги качественные продукты и товары. К этому времени ценности потребительского общества стали главными повсеместно [16, с. 86].

Дальневосточникам широко преподносился тезис о возможности ликвидации различий в уровне жизни по сравнению с центральными и западными регионами, используемый политиками ещё со времён Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева. Но новизна внедрения идей перестройки состояла в том, что со стороны власти признавались недостатки советской социальной политики, в частности, в региональной проекции это отражалось в поисках виновников сложившейся ситуации. М.С. Горбачёв грамотно воспользовался традиционным политическим приёмом и сумел объявить о своём новом видении значения Дальнего Востока, он как бы дистанцировался от курса Л.И. Брежнева, представляя публично причины возникших в регионе трудностей. Это «...непонимание роли и значения экономики Дальнего Востока, а в конечном итоге — политическая недалёковидность некоторых ответственных работников Госплана и Госснаба СССР, министров цветной металлургии,

угольной промышленности, энергетики и электрификации, ряда других ведомств. Значительную и немалую долю вины несут республиканские и местные органы» [23, с. 14]. Впервые публично признавалась ответственность центра за положение дел на Дальнем Востоке. Во многих бедах дальневосточников виноватыми назывались многие ведомства, которые относились к населению региона как технократы. Так появилось новое объяснение причин отставания уровня жизни населения в регионе от центра — остаточный принцип финансирования социально-бытовой сферы. Этот идеологический манёвр был воспринят, прежде всего, местной номенклатурой: он послужил сигналом для многих публичных выступлений первых секретарей в регионе, такое объяснение одобрительно встретили СМИ. Политическую трактовку подхватила научная интеллигенция, сделав её объяснительной концепцией многих научных публикаций². Созданная информационно-идеологическая среда вызывала реакцию значительной части населения в форме веры в потенциал нового реформаторского курса.

Для повышения фактора солидарности власть использовала и другие конкретные меры. Команда Горбачёва обратилась к самому простому инструменту — «печатному станку», продолжая курс брежневской руководящей когорты — повышение заработной платы. Для усиления популярности у населения региона использовались уже отработанные предшественниками приёмы — поездки по региону и создание специального программного документа.

Партийные руководители регионального уровня восприняли курс на реформы как более свободный режим для своих действий. Первые секретари дальневосточных регионов, предчувствуя (обладая соответствующей информацией), что грядут перемены в ЦК КПСС, сделали сильный политический ход: подготовили и отправили новому и последнему Генеральному секретарю ЦК КПСС (практически сразу при его вступлении в должность) коллективное обращение глав Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области и Республики Саха (Якутия). Они напомнили М.С. Горбачёву, что Дальний Восток — это очень важный макрорегион; его возросший удельный вес в экономике страны, разнообразие добываемых здесь ресурсов и их разведанных запасов, а также отмечали благотворность постановлений ЦК и Совета Министров СССР от 1967

² И сегодня в ряде работ дальневосточных историков (например: «История Дальнего Востока России: учеб. пособие» (Владивосток: ДВФУ, 2013), С.А. Власова «Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946—1991 гг.)» (Владивосток, 1988) и др.) прослеживается мнение, что главные причины социальных проблем населения региона лежали именно в этом направлении. Не отрицая значения ведомственного и технократического подхода к развитию региона, заметим, что при созданной системе планирования и централизованного управления регионом, «ведомственность» была её имманентной составляющей, а степень технократизма — оборотной стороной понимания роли Дальнего Востока тем или иным руководителем, т.е. субъективным фактором.

и 1972 гг. по дальнейшему комплексному развитию производительных сил. Однако акцентировали внимание на проблемах региона: «...за последнее время темпы экономического и социального развития Дальневосточного района заметно снизились». В 1970—1980 гг. они составили 67% при общем росте производства в стране на 78% [ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 175. Л. 46]. Причём причины такого положения дел виделись им как объективные, не зависящие от их воли: это отставание от общесоюзного уровня благосостояния населения, диспропорции «в отдельных отраслях народного хозяйства». «Складывающееся положение в народном хозяйстве Дальнего Востока, — писали они, — не отвечает экономической стратегии партии по ускоренному наращиванию потенциала восточных районов страны и вызывает настоятельную потребность принятия комплексных мер по их дальнейшему экономическому и социальному развитию». Задача развития Дальнего Востока виделась им по-прежнему в активном вовлечении в оборот «богатых природных ресурсов», в ускоренном наращивании «экономического и оборонного потенциала». Для успешного решения этой задачи, они «...полагали бы возможным просить принять специальное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о мерах по ускоренному развитию производительных сил Дальневосточного экономического района в 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.» [ГАХК. Л. 47—48].

А.Е. Савченко справедливо подчёркивает, что это обращение можно рассматривать как запрос на символический (доверие) и материальный (капитальные вложения) ресурсы [16, с. 86]. «...Принятие такого постановления будет способствовать ещё большей мобилизации партийных организаций, трудовых коллективов на выполнение поставленных партией и правительством задач по укреплению экономического и оборонного могущества страны на её дальневосточных рубежах» [ГАХК. Л. 48]. Момент для такого «меморандума» был выбран достаточно удачно. А для Генерального секретаря это был определённый знак готовности к модернизационному рывку дальневосточников накануне серьёзных преобразований. Но в то же время со стороны регионалов как в документе, так и в публичных высказываниях содержался явный тезис: без воли и ресурсов центра не будет ускорения в регионе по объективным причинам. (На эти сюжеты особенно обращает внимание дальневосточный историк Савченко.)

Что бы ни думал М.С. Горбачёв о дальневосточных партийных боссах, какое бы место ни занимал регион в его планах на будущее, его реакция была вполне предсказуема. 29 апреля 1985 г. он написал резолюцию: «Прошу рассмотреть предложение т.т. Гагарова, Черного, Авраменко, Прокопьева и проработать вопрос о мерах по комплексному развитию Дальневосточного экономического района в 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. с учётом его большой экономической и оборонной значимости» [ГАХК. Л. 48].

М.С. Горбачёв о новой программе развития Дальнего Востока объявил во время поездки по Приморскому и Хабаровскому краям. Визит первого лица государства традиционно имеет для регионального сообщества ключевое значение: так было при Н.С. Хрущёве, Л.И. Брежнев и М.С. Горбачёве, так остаётся и по сей день. Государственный лидер, символизирующий всю полноту власти, направляет действия заинтересованных участников в единое русло, берёт ответственность на себя, умножая свою легитимность, при этом формирует базу доверия и ответа со стороны общества, в данном случае — дальневосточников.

Выступление в регионах можно рассматривать как специфическую форму «единения власти с народом», непосредственного общения первого лица государства с гражданами без массы чиновных посредников, решения высшей властью давно наболевших местных проблем. Визит М.С. Горбачёва на Дальний Восток [10, с. 199; 23, с. 57] показывает, как центральная власть пыталась задействовать эти ресурсы³.

В свете задач перестройки генсек вёл себя на всех уровнях встреч, как и Хрущёв, и Брежнев в своё время, делая акцент на социальную сторону. Но сама форма общения М.С. Горбачёва с владивостокцами свидетельствовала о доминировании политического аспекта с целью привлечь симпатии людей, получив их поддержку, которая могла бы стать очень ценным ресурсом в торге Москвы с региональной властью [16]. Второй целью его встреч непосредственно с широкими народными массами было вдохновение их на очередной «трудовой подвиг». Здесь, в точке солидарности с регионалами — руководителями, некоторые из местных политических лидеров также рассчитывали на такой разворот событий [16, с. 7]. Встречаясь с приморским партийным активом, Горбачёв вдохновенно говорил: «Если мы соединим всё это, чтобы перестройка шла *и снизу, и сверху*, то и результат будет» [23, с. 59].

В период пребывания на Дальнем Востоке Горбачёв фактически продемонстрировал свой субъективизм, что проявилось в разных сценариях общения с первыми секретарями и соответствующих рефлексиях последних. В выступлении генсека 31 июля 1986 г. в Хабаровске на собрании партийного актива отмечали возросший критический настрой [23, с. 37—38].

³ В ходе недельной поездки (25—31 июля 1986 г.) М.С. Горбачёв во Владивостоке и Хабаровске решал разные задачи в рамках единой цели. 25 июля 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС прибыл во Владивосток. Места следования кортежа по городу заполнялись людьми, многие забирались на деревья и крыши домов. Визит начался с награждения Владивостока орденом Ленина. В зале краевого драматического театра, где генсек вручил награду, висел большой транспарант в духе времени: «Владивостокцы ответят на награду Родины ударным трудом». М.С. Горбачёв встретился с людьми города на привокзальной площади, демонстрируя своё намерение по-новому вести дело в регионе: «Хватит рассматривать Дальний Восток только как источник сырья...» Он обратился к горожанам: «...Хочу посоветоваться. Может быть нужна специальная государственная программа по развитию Дальнего Востока, которая бы охватывала все стороны — экономику, социальную сферу, особенно социальную?»

Ничего подобного не наблюдалось во Владивостоке, хотя управленческие и социально-экономические проблемы двух краёв считались практически идентичными. Очевидно, дело было в субъективном восприятии личности первого секретаря Хабаровского крайкома А.К. Чёрного, который, в отличие от недавно занявшего свой пост приморского коллеги Д.Н. Гагарова, руководил краем уже 21 год, олицетворяя собой брежневские времена. Объяснение такой политики «кнута и пряника» состоит, видимо, в следующем: несмотря на то, что 1986 г. был отмечен позитивной социально-экономической динамикой, партийное руководство уже тогда столкнулось с тотальным кризисом управляемости. Горбачёв ещё на первом этапе перестройки предпринял попытку найти тот управленческий слой, где гасятся импульсы ускорения⁴ [23, с. 43, 50]. И как показывает дальневосточный материал, к такому слою он относил ответственных партийных работников «со стажем», которые в глазах нового руководства, прежде всего, несли ответственность за провалы в период брежневского правления.

Таким образом, в самой управленческой группе наблюдались моменты, которые свидетельствовали, что солидарность в проведении реформ, находилась в стадии «хрупкого льда». Дальний Восток стал тем регионом, где М.С. Горбачёв «...начал публично обвинять среднее звено управленческой системы страны... в саботаже» [24, с. 164]. В то же время А.К. Чёрный увидел в этом «разносе» первый сигнал высшего руководства открывать «огонь по штабам» [32, с. 443—445]. И всё это происходило на фоне критики руководителей центральных министерств и ведомств. Однако открытая публикация материалов в прессе о критике местного руководства работала на обеспечение поддержки курса реформ со стороны широких масс дальневосточников.

После третьего года перестройки, по данным мониторинга 1988 г., в регионе сохранялись оптимистические настроения, и это можно рассматривать как свидетельство о солидарности с властью в плане необходимости продолжения реформ. Такая реакция прослеживалась в ответах на вопрос: «Уверены ли вы в реальности достижения поставленных в ходе перестройки целей?» 12% респондентов-дальневосточников были уверены полностью, 74,9% считали, что «...возможно, это произойдёт, если целей будем добиваться последовательно». Группа пессимистов на Дальнем Востоке оказалась незначительной. Критические настроения проявлялись не только по отношению к руководителям предприятий, но и по отношению к членам трудового коллектива. Среди дальневосточников

---

⁴ Главный упрёк М.С. Горбачёва хабаровским руководителям — неумение вести организаторскую работу. Они допустили ситуацию, когда построенные предприятия с новым дорогим оборудованием в течение нескольких лет не используют в полном объёме свои мощности: «Это относится к 70 процентам промышленных объектов, введённых и реконструированных за 10 лет...» Вывод генсека был однозначным: «В общем, товарищи, надо менять стиль работы».

субъективные элементы выражались в осознании «необходимости повышения ответственности каждого члена коллектива за результаты работы, при наличии предоставления большей самостоятельности предприятиям» [36, с. 59, табл. 41]. Результаты от реформ в 1988 г. ощутили на себе 57,5% дальневосточных респондентов, которые ответили, что «в сфере социальной политики добились определённых успехов». Хотя уже на третьем году реформ в общественных настроениях прослеживалось ощущение ситуации разрыва между обещаниями власти и реалиями. Так, 28% опрошенных дальневосточников считали, что «в ходе реформ ничего не добились в самом главном вопросе социальной политики Горбачёва, который обещал, что будут проведены меры по совершенствованию оплаты труда, и они будут влиять на повышение заинтересованности работника в конечных результатах». Третий год перестройки — время зарождения разочарований; начинали формироваться пессимистические настроения у населения региона. Лишь 12% опрошенных дальневосточников считали, что реформаторские меры эффективны.

По данным мониторинга, определённая степень солидарности между властью и обществом в дальневосточном регионе в 1985—1987 гг. существовала, но она определялась эклектичным набором взглядов на перестройку. Местная элита надеялась на дальнейшие преференции и выделение дополнительных ресурсов на развитие региона, бюджетники — на повышение зарплаты, рабочие — улучшение системы оплаты. В трудовых коллективах появились озабоченность проблемами организации труда и надежда на наведение порядка, дисциплины на предприятиях. В то же время субъективные измерения преобразований зафиксировали антиноменклатурные настроения. В первые три года в регионе они выражались не протестами против групповых преференций, а недовольством по отношению к руководителям своих предприятий, которых широкие массы дальневосточников хотели видеть более ответственными.

Важно заметить, что консенсус между разными уровнями власти — центром и регионом — был достигнут; итогом дальневосточного сценария «перестройки» явилась «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (Программа ДГП). Суть соглашения может быть сформулирована следующим образом: Политбюро ЦК КПСС и Совет Министров СССР оказывают доверие региональным правителям и принимают на себя ответственность по выделению ресурсов, а крайкомы и обкомы, в свою очередь, должны обеспечить повышенные темпы развития, выполнение планов, а, следовательно, поддержать авторитет центра, способствуя общему успеху. Политический момент при всей его важности тем не менее не подменял собой государственных задач.

Но принятие Программы вскоре уже оценивалось неоднозначно, в экспертном сообществе очень быстро появилась точка зрения на неё

как на откровенно популистский ход [21, с. 190—194; 32, с. 445]. Действительно, популизм использовался Горбачёвым для укрепления солидарности общества и власти, в дальневосточной политике он был лишь её элементом, но не самым значимым [16, с. 93—95]. Так, на встрече Горбачёва с партийным активом Приморского края он акцентировал внимание на тезисе: «...Дальний Восток по традиции называют форпостом страны на Тихом океане. Это, безусловно, верно. Но сегодня такой взгляд уже нельзя признать достаточным. Приморье, Дальний Восток надо превратить в высокоразвитый народнохозяйственный комплекс» [23, с. 13]. Особенно важно, что основой для этого, по его мнению, должен быть созданный потенциал региона — данный момент, один из основных в последующей судьбе Программы. В ходе совещания прозвучала формулировка — «новая региональная политика», которая должна соответствовать курсу на ускорение, результатом чего должно стать «развитие восточных районов», повышение уровня жизни дальневосточников [23, с. 14].

Одновременно в региональном экспертном сообществе широко обсуждался тезис о необходимости повышения заработной платы дальневосточникам, поскольку северные и районные надбавки уже не могли компенсировать «удорожание жизни в условиях Дальнего Востока» [ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 6104. Л. 32—33]. В то время подобный анализ был актуальным, эксперты не ставили под сомнение, что задания программы «Комплексного развития...» по «обеспечению дальневосточников продуктами питания и товарами повседневного, также долговременного пользования» не будут выполнены.

В 1986—1987 гг. в реализации обещанного власти добились определённого успеха, что на некоторое время сохранило базу, хотя и зыбкую, для национального согласия в дальневосточном сообществе в условиях начавшихся реформ. Однако ресурсы в стране уже были ограничены. Центр, повышая заработную плату, особое внимание уделяет южным территориям региона. В 1985—1988 гг. произошло выравнивание заработной платы работающих в регионе за счёт снижения темпов её роста на Северо-Востоке. Жители Северо-Востока первыми через миграционный отток «сигнализируют» властям о своих разочарованиях в проведении реформ.

Результат перестройки в социальной сфере оказался не просто непредвиденным в контексте популистских обещаний по повышению уровня жизни дальневосточников, а разрушившим всю советскую распределительную систему, т.к. добиться повышения производительности труда старыми методами уже было невозможно. Дальневосточники начали приспосабливаться к постоянно растущей инфляции. Так, при снижении производительности труда в дальневосточном регионе увеличились темпы прироста прибыли (на 7% в 1986 и на 5,6% в 1987 г.) и заработной платы (на 2,7% в 1986 и 7% в 1987 г.) [11, с. 74]. (Собственно, эта тенденция нарушения пропорций началась уже в годы лидерства Л.И. Брежнева.) В целом общую ситуацию в 1985—1987 гг. на Дальнем Востоке нельзя

зя назвать крайне напряжённой. По данным всесоюзного мониторинга (1988), среди 15 обследованных регионов и советских республик у населения Дальнего Востока, в частности занятого в промышленности, потребность в реформах оказалась достаточно высокой. Более того, 86,7% респондентов на вопрос о сущности перестройки ответили, что «это крайне необходимая, чрезвычайная мера, вызванная объективным состоянием дел». Этот показатель оказался выше, чем в Москве и Московской области (81,9%) и даже в Прибалтике (84,1%) [36, с. 52, табл. 34].

Ещё 7,5% опрошенных считали, что перестройка нужна, хотя и оказалось, что это не столь полезная мера. И только 1,7% респондентов не видели особой необходимости в реформах. В те годы большая часть дальневосточников надеялась на улучшение, о чем свидетельствует сравнение вышеназванных показателей с данными ответа на другой вопрос. Признавая необходимость реформ, респонденты фактически не видели результатов перестройки: лишь 2% ощутило, что достигнуты значительные успехи; 45,9% населения отметили, что «за годы перестройки в экономической области достигнуты определённые успехи»; мнение «практически ничего не добились» выразили 36,7%; 3,7% заметили, что «положение даже ухудшилось» [36, с. 53, табл. 35]. Такие оценки объясняются тем, что за счёт инерционного сценария запаса «энергии» советской социальной политики в 1985—1988 гг. на Дальнем Востоке достигнуты последние её успехи⁵ [ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 17. Д. 6104. Л. 32].

Ситуация в противоположном направлении развивалась крайне стремительно: ликвидировать разрыв по оплате труда по отраслям власти при низкой производительности труда управленцы не могли, располагая сведениями о ресурсах и понимая, что это приведёт к финансовому кризису. Уровень заработной платы в сфере образования составлял в 1985 г. 64% от таковой в промышленности, к 1989 г. — 59%; в здравоохранении — соответственно 65% и 68% [12, с. 29]. «Бюджетники» в регионе составляли примерно 39—40% в общей структуре занятых. В 1985—1988 гг. рост заработной платы ощутили работники, преимущественно занятые в промышленности. Но 62% респондентов отметили, что снабжение продовольственными и промышленными товарами ухудшилось [36, с. 100—101]. Ситуацию пронизывали разновекторные тенденции. К концу 1980-х гг. на Дальнем Востоке структура формирования совокупного дохода городской семьи и сельской по основным источникам сблизилась [29, с. 88, 92].

В целом ощущения дальневосточников от реформ к 1988 г. можно назвать разнородными и пёстрыми. Массовое сознание поворачивалось

---

⁵ На Дальнем Востоке было сдано в эксплуатацию 12,62 млн кв. м жилья — это в 1,3 раза больше, чем за три года предшествующего пятилетнего периода (т.е., с учётом младенцев, на 10 тыс. чел. приходилось 16,1 кв. м нового жилья, на одного человека — 1,6 кв. м). В первые три года на Дальнем Востоке строились активно образовательные школы и больницы: ученических мест соответственно 1,6 раза больше, чем за три предыдущих года; коек-мест — в 1,4 раза.

в направлении утраты доверия к курсу перестройки. Население, попав в сети сильнейшей инфляции [12, с. 28—44] и в условиях начавшегося расслоения (к чему оно абсолютно не было готово) после существования длительной эпохи уравнительности, начинает по-иному смотреть на ход реформ. На вопрос «Как вы считаете, за последние два-три года (в 1988 г.) в целом Вы стали жить?..» дальневосточники разделились на группы. «Значительно лучше» ответили только 1,7%, 19,2% — «несколько лучше», 38,9% ответили, что они живут, как и раньше, несколько хуже стали жить 29,3% респондентов, 8,2% — «значительно хуже» [36, с. 95, табл. 75].

Определённые социальные результаты создавали у власти иллюзию доверия общества к начатым реформам. Но если в других регионах нарастали протестные настроения, то на Дальнем Востоке выработанный за многие годы комплекс социальной терпеливости трансформировался в социальный нигилизм по отношению к горбачёвским реформам, выразившийся в оттоке населения в поисках лучшей жизни. В 1988 г. перестройка достигает апогея привлекательности, и с 1989 г. доверие дальневосточников к власти быстро падает, однако в регионе наблюдается парадоксальное явление: население, несмотря на ухудшение материального положения, сохраняет уверенность, что реформы по-прежнему нужны. И это убеждение держалось на следующем социально-психологическом фоне: лишь 7% дальневосточников видели улучшения в экономической области за год, и 34% были убеждены, в том, что практически ничего не добились в ходе реформ, а 54,5% почувствовали на себе явное ухудшение в экономической области [37, с. 70].

Парадоксально и другое явление для дальневосточного сообщества: результаты социальной политики оценивались населением выше, чем экономические. Уровень ощущения изменений в социальной сфере к лучшему у дальневосточников оказался даже выше, чем, например, в Москве и Московской области, но ниже чем в Центральном районе, в Поволжье и на Урале (это можно объяснить более низким уровнем жизни и, следовательно, социальных запросов). 22,5% респондентов-дальневосточников считали, что «они добились определённых успехов». 44,8% не заметили никаких улучшений, у 27,9% «положение ухудшилось». Почти половина респондентов видели причины неудач в системе управления (это «очковничество, прямое сопротивление управленцев, бездеятельность и бесхозяйственность администраций предприятий»). Таким образом, падало доверие непосредственно к управленцам на предприятии. 14,8% опрошенных дальневосточников критически относились к своим трудовым коллективам, выделяя общую пассивность, и 23,3% выражали рефлексию на несовершенство системы оплаты — «на предприятиях по-прежнему отсутствуют стимулы...» [37, с. 70, табл. 50].

Больше половины респондентов (64,5%) ответили, что исполнительская дисциплина практически на их предприятии не повысилась, 57,3% критически относились к системе управления — «существенных измене-

ний в деятельности администраций предприятий не произошло», более того, почти 17% респондентов отметили «изменения в худшую сторону». К 1990 г. увеличилось число респондентов, которые ощутили «ухудшение своего материального положения» за два года. «Стали жить хуже» 40,1% от опрошенных дальневосточников, а 25% — соответственно «значительно хуже» и только 13,3% в эти годы «стали жить лучше».

Измерения социального самочувствия дальневосточников говорят о том, что в 1988—1990 гг. шёл явный процесс расслоения общества, но об этом реформаторы из команды Горбачёва молчали. Процент дальневосточников, которые стали «жить лучше» в регионе оказался ниже, чем в Москве, Центральном Черноземье и Волго-Вятском районе. К 1990 г. уже более 90% респондентов отметили резкое ухудшение в сфере снабжения продовольственными и промышленными товарами, более 50% респондентов ощутили ухудшение медицинского обслуживания [37, с. 95—101].

Таким образом, объективные и субъективные измерения самочувствия общества в дальневосточном регионе показывают, что в 1985—1987 гг. идеи перестройки лишь на мгновение (естественно, по историческим меркам) создали условия, дав шансы на доверие власти со стороны масс, и то за счёт прежних достижений социальной политики. Но в регионе не оказалось социальной энергии как на новый трудовой рывок, так и на резкий всплеск политической активности. Параллельно начали развиваться три линии реакции населения: социальная апатия, миграционный отток, зарождение неформальных объединений. Это был период быстрого социального расслоения и накопления энергии раскола общества, признаков нового смутного времени 90-х гг. XX в., противоборства между властными группировками в центре. В дальневосточных партийных организациях, как доказывает Е.В. Буянов, в 1988—1990 гг. явно уже наступил внутренний кризис [7, с. 61—85]. С другой стороны, на Дальнем Востоке возникали очаги активизации политических неформальных объединений и демократического движения [7, с. 61—85].

В 1990 г. многие дальневосточники доверяли материалам, публикуемым в «Огоньке» и пропагандирующим идеи демократических преобразований. Перелом в умонастроениях дальневосточников — утрата доверия команде Горбачёва — происходит почти одновременно с другими регионами после публикации в «Огоньке» «Открытого письма к избирателям и депутатам России всех уровней» (после письма Н.И. Травкина (подписано в Москве 1 апреля 1990 г. 106 подписей народных депутатов РСФСР). В обращении говорилось: «Мы убедились, что эти товарищи из высокого аппарата, принимая решения, думают прежде всего о себе, своих приближённых и близких [ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]. Пять лет убаюкивающих заверений — устраним незаконные привилегии — не сделали спецблага менее обильными: меняются только названия спецльгот. Вместо принародно объявленного разделения партийной и государственной власти, парторганы ведут повсеместный «захват» только

что народившихся Советов. Совмещение постов партийных секретарей и председателей Советов производится напористо, откровенно и беззастенчиво» [ГАРФ. Ф. 10115. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]. Этот документ имел большой резонанс и среди дальневосточников.

В условиях зарождения демократического движения (хотя и более робкого по сравнению с другими регионами) общую линию настроений также можно отразить в субъективном измерении. На рубеже 1990—1991 гг. газета «Амурская правда» провела свои социологические исследования, в том числе и на вопрос «каковы основные причины того, что страна оказалась на краю пропасти?»⁶ На первом месте амурчане поставили «падение трудовой дисциплины и утрату чувства ответственности перед обществом (80% респондентов). 52% опрошенных указали на монополию КПСС, 23% отметили «чрезмерное огосударствление собственности». Таким образом, в 1990 г. власть фактически утратила доверие населения отдалённого региона.

В 2013 г. отдел социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, работая над проблемой «взаимоотношения общества и власти», провёл опрос населения Приморского края (Владивосток, Арсеньев, Кавалерово) и двух городов Сахалина (Южно-Сахалинск, Шахтёрск). По истечению почти 30 лет выявлена любопытная картина: более половины (меньше только в Шахтёрске) респондентов по-прежнему считает, что преобразования в стране — это был «правильный выбор, но неверная реализация». Безусловно, этот показатель ниже данных мониторинга 1988 г. (86,7%). Но тем не менее и опрос, и глубинные интервью с дальневосточниками доказывают, что период надежд совпали с периодом доверия к власти. Идея необходимости преобразований — перестройки всё-таки, хоть и на очень короткий срок, но объединила власть и общество. И последние советские реформы были начаты при поддержке населения, в том числе отдалённого от центра региона. Лишь 7% опрошенных владивостокцев, 9% — соответственно арсеньевцев и 12% кавалеровцев, 18% сахалинцев остались при убеждении: «преобразования в стране не были нужны» [35]. Естественно, «смутное время», начавшееся в конце 80-х и набиравшее темпы в лихие 90-е гг., внесли свои коррективы и в понимание необходимости преобразований. В 1988 г. 1,7% опрошенных дальневосточников убеждённо отвечали, что не были нужны, а в 1990 г. — уже 7,2%.

За 30 лет, прошедших с начала реформ Горбачёва, их необходимость понималась по-разному: со стороны инициатора перестройки и со стороны социума. Большинство дальневосточников, живя уже в новых социально-экономических условиях, не разделяет главного тезиса, на который делал акцент М.С. Горбачёв — что это был прорыв к свободе. Тем не менее и такая оценка реформам, как «давшим свободу для высказываний»,

---

⁶ Допускались три варианта ответов.

есть в дальневосточном социуме. Об этом свидетельствуют выявленные новые источники мемуарного типа⁷. Пока они говорят, что в основном такая оценка характерна для людей, которые были связаны с творчеством или преподаванием в вузах и других интеллигентов. Один из современников дал следующую характеристику: «Время фальши. Горбачёв много говорил, но на деле... Но хорошее было в том, что сама идея была правильная: «Демократизация жизни общества, либерализация экономики, совершенствование государственного управления».

Соцопрос 2013 г. показывает, что и по истечении времени доминируют убеждения прагматического характера: был правильный выбор в социальной политике, но неверная реализация (в интервале от 64 до 41%), другие уверены «перестройка — это запоздавшая попытка решить коренные проблемы (в интервале от 36 до 20%)». Позволим привести ещё одно мнение из сочинения. «Одним из основных механизмов этих реформ подразумевалась демократизация структуры и работы правящей партии (КПСС). Перестройка внесла положительные явления в экономическую жизнь: была разрешена частная собственность, в том числе и на средства производства⁸. Возникло кооперативное движение как форма предпринимательской деятельности. Однако в дальнейшем оказалось, что КПСС не поддаётся реформированию, а скорее, наоборот, становится тормозом реформ». (Записано А. В. Любимовой, со слов Б. И. Сандлера, 1933 г. р. В период перестройки он работал врачом в краевой клинической больнице.) В этом же сочинении отчётливо прослеживается мысль о падении авторитета к Горбачёву. «Кроме того, деятельность самого Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва характеризовалась многоречивостью, показухой и уходом от конкретных проблем...» Историческая память последних годов перестройки подтверждает резкое падение авторитета Горбачёва на Дальнем Востоке.

Проведённый нами соцопрос в 2013 г. даёт основание ещё для одного вывода: для переживших перестройку людей, её реалии и преобразования 1990-х гг. сливаются в один исторический момент, многие события лихих 1990-х гг. ассоциируются у людей с последними годами горбачёвского правления. Историческая память также закрепила в сознании дальневосточников, что ни в годы стабильности, ни в годы реформ у граждан не было реальной возможности влиять на действия власти. Так, на вопрос «Как Вы думаете, в какой из указанных периодов (в период до 1985 г. в период перестройки, в 1990-е гг. или в настоящее время) у граждан была возможность наиболее эффективного контроля за действиями местной

⁷ В 2014 г. сотрудник отдела социально политических исследований Ю. Н. Ковалевская провела работу по изучению отношения населения к перестройке. Современникам было предложено написать сочинение: «Напишем историю вместе», таким образом появился новый пласт источников.

⁸ Здесь у автора сочинения горбачёвские реформы сливаются с радикально-либеральными, уже после Горбачёва.

власти?)» преобладают ответы «вообще не было такого периода». Показатели ответов «и для перестройки», и «для 90-х годов» оказались низкими (от 0 до 7%) по своему значению. Если посмотреть на рейтинг проблем, которые стояли перед страной в 1985 г., то сегодня владивостокцы на первое место ставят проблему развития, на второе — дефицит потребительских товаров, на третье — коррупцию и блат; отсутствие демократии и свободы слова находятся на шестом месте из восьми.

Полученные «субъективные измерения» перестройки дают основания сделать вывод о том, что в общественных настроениях дальневосточников преобладали суждения, близкие к результатам аналитиков. В частности, это касается причин необходимости проведения реформ, выделения первостепенных проблем, требовавших своего разрешения, а также оценки конкретных ситуаций на территориях. И в этом направлении, безусловно, у реформатора Горбачёва и его единомышленников был момент солидарности. Самооценка по ухудшению материального положения и объективные данные статистики очень хорошо коррелируются. Хотя понимание сущности проблем, стоявших перед страной в 1985—1990 гг., представлено достаточно широким спектром общественного мнения, тем не менее, эти ответы показывают, что уже после 1988 г. шансов у Горбачёва на поддержку общества на Дальнем Востоке практически не оставалось. В настроениях дальневосточников было интуитивное осознание ситуации в стране и регионе, как особого периода слабости состояния власти, несмотря на обозначенные перспективы развития Дальнего Востока. В «низах» к концу 80-х годов утверждалось мнение о «неправильной реализации реформ». В эклектических ответах явно доминировала мысль: проводимые реформы командой Горбачёва усиливали процесс разрушения централизованной системы распределения, и Дальний Восток в этих условиях пострадал больше, чем другие территории. Широкие массы на бытовом уровне зафиксировали потерю контроля власти, всех её звеньев над управлением социальных и экономических процессов. Это очень быстро меняло жизненную стратегию как человека из органов власти, так и человека из масс трудящихся. Своеобразной формой не только экономического, но и социально-политического консенсуса между руководством (ЦК КПСС и правительством) и населением страны становилась «теневая» экономика — спутник перераспределения. Можно даже сказать, что теневое перераспределение стало тем социальным клапаном, через который выпускалось недовольство людей кризисными явлениями и нарастающим дефицитом потребительских товаров. К теневому перераспределению приспосабливались люди разных профессий и должностей, что окончательно привело к гибели советской системы. А детище перестройки «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.» (Программа ДГП) так и осталась в целом нереализованным проектом.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азиатская часть России: новый этап северных и восточных районов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 428 с.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион: общее экономическое положение и проблемы развития // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы, пути перестройки. Хабаровск, 1991. С. 5—10.
3. Буянов Е.В. Амурский обком КПСС (1948—1991) // Вестник Амурского гос. ун-та. Серия: гуманитарные науки. Вып. 26. Благовещенск, 2004. С. 60—63.
4. Буянов Е.В. Государственное строительство на юге Дальнего Востока России в 1990—1997 гг. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 1998. 171 с.
5. Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. 292 с.
6. Буянов Е.В. Политическая элита Дальнего Востока России. (1980—1990-е годы). Благовещенск, 2002. 60 с.
7. Буянов Е.В. Становление и развитие многопартийности на юге Дальнего Востока России (1988—1995 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 264 с.
8. Власов С.А. Жилищное строительство на Дальнем Востоке (1946—1991 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2008. 204 с.
9. Гладышев А.Н. Дальний Восток сегодня, завтра. М.: «Общество Знание» РСФСР, 1987. 37 с.
10. Григорьев К.А. Перекаты судьбы. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1997. 372 с.
11. Дальний Восток России: экономическое обозрение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-Комплекс Экопрос, 1993. 156 с.
12. Дальний Восток России: экономическое обозрение. Приложение / под ред. П.А. Минакира. М.: Прогресс-Комплекс Экопрос, 1993. 124 с.
13. Друзяка А.В. Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858—2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. 290 с.
14. Захарова О.Д., Миндогулов В.В., Рыбаковский Л.Л. Социальные реалии: вчера и сегодня. URL: <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/05/16/0000277260/003Zahaqova.pdf> (дата обращения: 07.05.2012).
15. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике / П.Я. Бакланов и др. Владивосток: Зов тайги, 1996. 195 с.
16. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.
17. Коняхина А.П. Власть и общественно-политические настроения дальневосточников в переходный период (вторая половина 1980 — начало 1990-х годов) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2008. С. 133—138.
18. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980—1990-е гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 2013. № 4. С. 113—127.
19. Корякина Е.В. Социальное развитие села юга Дальнего Востока в годы перестройки (1985—1991-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2008. 213 с.
20. Кулаков А.А. Региональная власть и общество 60—88-х годов, от «стабильности» к кризису. Историография и источники изучения (предисловие к V тому) //

- Общество и власть. Российская провинция. Т. 5. 1965 г. — 1985 г. М.: Институт Российской истории РАН, 2008. С. 5—13.
21. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика. 894 с.
  22. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток—Хабаровск. ДВО РАН. 2006. 224 с.
  23. Перестройка неотложна, она касается всех и во всём: сб. материалов о поездке М.С. Горбачёва на Дальний Восток, 25—31 июля 1986 г. М.: Политиздат, 1986. 95 с.
  24. Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х — 1991 гг. М.: Российская полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 423 с.
  25. Прокапало О.М. Социально-экономический потенциал субъектов российского Дальнего Востока. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. технич. ун-та. 1999. 143 с.
  26. Савченко А.Е. История административно-политических отношений Центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х — 1990-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011 (Рукопись). 285 с.
  27. Савченко А.Е. Политический аспект провала стратегии развития Дальнего Востока в 1987—1991 гг. (на примере Приморского и Хабаровского краёв) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2009. № 5. С. 125—131.
  28. Савченко А.Е. Эффективность государства в России в середине 1950-х — 2000-х гг.: фактор нефтяного проклятья // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Издат. дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 356—364.
  29. Состав семей, доходы и жилищные условия рабочих, служащих и колхозников. Стат. сб. М.: Республик. информ.-издат. центр, 1989. 249 с.
  30. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока в условиях формирования рыночных отношений / В.К. Заусаев, М.И. Леденёв, С.П. Быстрицкий. Хабаровск: Изд-во Приамурского географического общества, 1999. 269 с.
  31. Тихоокеанская Россия — 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.
  32. Чёрный А.К. Остаюсь дальневосточником. Хабаровск: «Этнос-Дв», 1998. 512 с.
  33. Чичканов В.П. Дальний Восток: стратегия экономического развития. М.: Экономика, 1988. 247 с.
  34. Шинковский М.Ю. Российский регион: Становление политического режима в условиях глобализации. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 336 с.
  35. Шубин А.В. Парадоксы перестройки: Упущенный шанс. М.: «Вече», 2005. 480 с.
  36. Анкета «Процесс модернизации и трансформации на юге Дальнего Востока в 1985—2012 гг.» // Тек. архив отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток, 2013.
  37. Материалы Всесоюзного мониторинга по вопросам социально-экономического развития промышленных предприятий: Перестройка — 1988. Оперативная информация // Тек. архив Института социологических исследований РАН (АН СССР). М., 1988.
  38. Материалы Всесоюзного мониторинга по вопросам социально-экономического развития промышленных предприятий: Перестройка — 1990. Оперативная информация // Тек. архив Института социологических исследований РАН (АН СССР). М., 1990.
  39. ГАРФ (Гос. архив Российской Федерации).
  40. ГАХК (Гос. архив Хабаровского края).